

— ТИХИЙ КОНТРОЛЬ —

A movie poster for the film 'The Last Fire' (Russian: 'Последний Пожар'). The background is a dark, blue, rippling body of water. A woman with long dark hair and striking blue eyes is partially submerged, her face just above the water line. A large, curved, red object, possibly a piece of wood or a boat's edge, cuts across the lower half of the frame. The title 'ПОСЛЕДНЯЯ ПОЖИ' is written in large, white, distressed, stencil-like capital letters across the middle. At the bottom, the name 'НАТАЛИ МОРРОУ' is written in smaller, white, distressed capital letters.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЖИ

НАТАЛИ МОРРОУ

Натали Морроу

Последняя ложь

«Автор»

2026

Морроу Н.

Последняя ложь / Н. Морроу — «Автор», 2026

Заклучительная книга психологической трилогии «Тихий контроль». Эмма уезжает с Итаном в дом у реки, надеясь хотя бы на одну ночь выйти из чужой игры. Но Дэниел исчезает. Его машину находят на старой дороге, телефон отключён, а на двери остаётся кровь. Тесса едет на север, потому что слишком хорошо знает: в этой истории люди исчезают именно тогда, когда все уверены, что они только что были рядом. Дом, который должен был стать убежищем, оказывается связан с Анной Баррелли. Старые фотографии, закрытая комната, повреждённая запись и флешка, за которой кто-то готов пойти слишком далеко. Теперь Эмме нужно понять, кому верить. Мужчине, который уже разрушил её жизнь, или мужчине, который слишком хорошо знает, как должна выглядеть безопасность. И успеть сделать это раньше, чем последняя ложь станет единственной версией правды.

© Морроу Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Безопасное место	5
Глава 2. След на север	15
Глава 3. Дом у реки	26
Глава 4. Дэниел	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Натали Морроу

Последняя ложь

Глава 1. Безопасное место

К тому времени, когда дорога сузилась до двух тёмных полос между деревьями, Эмма уже перестала понимать, сколько они едут. Сначала она считала повороты. Потом редкие заправки. Потом минуты между тем, как телефон ловил одну полоску связи и снова терял её. После этого осталось только смотреть в окно. За стеклом тянулся лес. Не густой, не дикий, просто темнее, чем следовало, для человека, который привык видеть хотя бы чужие окна, вывески, фары, жизнь за соседней дверью. Здесь всё уходило назад без следа. Деревья, мокрая обочина, серые камни у края дороги, узкие подъезды к домам, которых едва виднелись с трассы. Итан вёл спокойно. Обе руки на руле. Плечи расслаблены. На лице не было ни раздражения, ни усталости, ни того напряжения, которое обычно выдаёт человека после долгой дороги и слишком длинного дня. Он выглядел так, будто именно сейчас всё наконец стало правильным. Эмма сидела рядом, прижимая телефон к ладони. Экран снова погас. Она нажала кнопку. Проверила сообщение.

Ты где?

Не доставлено. Под именем Тессы висела серая строка, которая за последние сорок минут успела стать почти личным оскорблением. Эмма смотрела на эти два слова, пока буквы не начали расплываться.

— Связи почти нет, — сказал Итан.

Он не повернул головы. Просто заметил. Она заблокировала телефон.

— Я вижу.

— Ближе к дому обычно лучше ловит у воды. Иногда на веранде. Иногда совсем не ловит, зависит от погоды.

— Очень удобно.

Слова вышли резче, чем она собиралась. Итан коротко посмотрел на неё, потом снова на дорогу.

— Прости.

Эмма отвернулась к окну. Она не знала, за что именно он извиняется. За связь. За дорогу. За то, что увёз её из города. За то, что оказался рядом именно тогда, когда она больше не могла понять, кому верить. Машина мягко качнулась на неровности. Фары выхватили из темноты деревянный указатель без названия, потом почтовый ящик на покосившемся столбике. На нём облупилась белая краска. Цифры давно стёрлись.

— Почти приехали, — сказал Итан.

Эмма кивнула, хотя он не смотрел. Она должна была почувствовать облегчение. После полиции. После звонков. После имени Анны, которое теперь звучало не как часть чужой трагедии, а как дверь, открытая прямо в её жизнь. После Дэниела. После Тессы. После того, как в голове всё перепуталось так сильно, что даже страх перестал иметь одно направление. Итан предложил ей место, где можно переждать. Не дом. Не отель. Не квартиру, где каждый звук напоминал бы о Бостоне и о том, что в любой момент кто-то может постучать. Дом у реки. Тихо. Далеко. Никто не знает. Именно это он сказал. Никто не знает. Тогда фраза показалась заботой. Сейчас, на пустой дороге между деревьями, она звучала иначе. Эмма повернула голову и посмотрела на его профиль.

— Ты часто сюда приезжаешь?

— Раньше чаще.

— А сейчас?

— Реже, чем хотел бы.

Ответ был обычный. Никакого напряжения. Никакой паузы.

— Дом давно у тебя?

— Несколько лет.

— Ты не говорил.

— О доме?

— Да.

Он чуть улыбнулся.

— Мы с тобой знакомы не так давно, Эмма.

Это было правдой. От правды иногда становилось только хуже. Она снова посмотрела в окно. Второй поворот оказался едва заметным. Узкая грунтовая дорога уходила влево, вниз. Машина съехала с асфальта, и колёса зашуршали по мокрому гравию. Ветки нависали ближе, иногда скользили по крыше сухим неприятным звуком. Телефон в её руке дрогнул. Одна полоска. Эмма быстро разблокировала экран. Сообщение Тессе всё ещё не ушло. Она нажала повторить. Кружок рядом с текстом закрутился, замер, снова закрутился.

— Эмма.

Итан сказал её имя тихо. Она не подняла головы.

— Подожди секунду.

— Ты уже полчаса пытаешься отправить одно сообщение.

— Потому что оно не отправляется.

— Я понимаю.

Он не звучал раздражённым. Вот это и было хуже всего. Если бы он раздражался, с ним можно было бы спорить.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал он. — Хотя бы час. Потом выйдешь на веранду, поймешь сигнал и напишешь кому хочешь.

Эмма подняла на него глаза.

— Кому хочу?

Итан наконец повернул голову.

— Конечно.

Она не нашла, к чему придаться. Он не сказал ничего неправильного. Не забрал телефон. Не попросил выключить. Не сказал, что Тесса не должна знать, где она. Он просто говорил так, будто усталость уже приняла решение за неё. Впереди между деревьями появился свет. Сначала один прямоугольник. Потом второй. Потом весь дом, низкий и тёмный, с широкой крышей, мокрыми ступенями и длинной верандой, выходившей к чёрной воде за деревьями. Дом стоял чуть ниже дороги, будто прятался в складке земли. Не старый. Не новый. Дорогой в том сдержанном смысле, когда деньги не кричат, а молчат лучше всех. Итан остановил машину возле крыльца и заглушил двигатель. Тишина сразу стала плотнее. Несколько секунд они сидели, не двигаясь. В городе после остановки всегда оставалось что-то ещё. Голоса, машины, двери, чужая музыка, сирена где-то далеко. Здесь после двигателя не осталось ничего, кроме ветра в деревьях и глухого движения воды. Эмма вдохнула. Воздух в машине пах кожей, холодом и его одеколоном.

— Вот и всё, — сказал Итан.

Она посмотрела на дом. На освещённые окна. На дорожку к крыльцу. На тёмную линию реки за ним.

— Красиво.

— Днём лучше.

— Ночью не очень гостеприимно.

— Ночью большинство мест такие.

Он открыл дверь и вышел. Холод сразу ворвался в машину. Эмма застегнула пальто, взяла сумку и снова посмотрела на телефон. Нет сети. Она сунула его в карман. Итан уже доставал из багажника её сумку и пакет с продуктами, который купил по дороге. Не спросил, нужно ли. Просто взял. В этом не было грубости. Только привычка делать раньше, чем кто-то попросит.

— Я могу сама.

— Знаю.

Он не отдал сумку. Эмма стояла рядом с машиной и смотрела, как он закрывает багажник. Знаю. Слово было мягким. Почти тёплым. И всё равно внутри что-то царапнуло. Они поднялись по ступеням. Доски под ногами были влажными и тёмными от вечернего воздуха. Итан поставил пакет на пол, достал ключи и открыл дверь. Дом встретил их запахом дерева, закрытых комнат и слабого тепла. Не заброшенного места. Не дачи, куда приезжают раз в год и сначала полчаса открывают окна. Здесь было слишком чисто для внезапного убежища. Итан включил свет в прихожей. Лампы зажглись одна за другой: над входом, в гостиной, дальше у кухни. Мягкий жёлтый свет прошёл по стенам, по деревянному полу, по широкому дивану у камина, по полкам с книгами, которые никто не покупает для случайного дома. Эмма переступила порог. Тепло обняло её не сразу. Сначала коснулось лица, ладоней, мокрых волос у виска. Потом добралось глубже, и она вдруг поняла, насколько замёрзла.

— Я попросил включить отопление утром, — сказал Итан, снимая куртку.

Эмма повернулась к нему.

— Утром?

— У меня есть человек, который присматривает за домом.

— Ты знал, что мы сюда поедем утром?

Он повесил куртку на крючок. Пауза была короткой.

— Я подумал, что такой вариант может понадобиться.

Она смотрела на него.

— До того, как всё случилось?

— После звонка Харриса.

Он сказал это спокойно. Слишком спокойно для человека, который только что признался, что начал готовить убежище ещё до того, как предложил ей уехать. Эмма сняла пальто. Пальцы плохо слушались. Пуговица зацепилась за петлю, и она дёрнула сильнее, чем нужно. Итан сделал шаг к ней.

— Дай.

— Я сама.

Он остановился и просто поднял обе руки, будто сдавался.

— Конечно.

Эмма справилась с пуговицей и повесила пальто рядом с его курткой. Рядом. Почему-то это показалось слишком личным. Она прошла в гостиную. Комната была большой, но не холодной. Два окна выходили к реке. За ними ничего было не разглядеть, только чёрное стекло, в котором отражались лампы и её собственная фигура. У камина лежала аккуратная стопка дров. На низком столике стояла керамическая миска с ключами, спичками и маленьким фонариком. На диване лежал сложенный плед. Не декоративно. Ждал. Эмма подошла к окну. Снаружи река двигалась без блеска, тяжёлая и тёмная. Где-то внизу вода ударялась о камни. Звук был ровный, почти успокаивающий, если не вслушиваться дольше нужного.

— Кухня там, — сказал Итан за спиной. — Ванная в конце коридора. Спальни наверху. Можешь выбрать любую.

— Любую?

— Да.

— А ты?

— Я могу спать внизу.

Она обернулась. Он стоял у входа в гостиную с пакетами в руках. Свет падал на него сбоку, делая лицо чуть мягче, чем обычно.

— Итан.

— Что?

— Не надо так.

— Как?

— Будто я гостя в отеле после пожара.

Он чуть опустил взгляд, потом кивнул.

— Хорошо.

И снова не стал спорить. Она почти хотела, чтобы он спорил. Так было бы проще. Итан отнёс продукты на кухню. Эмма пошла за ним, не потому что хотела помогать, а потому что оставаться одной в гостиной оказалось неприятнее, чем идти следом. Кухня была светлой, с тёмной столешницей и окнами к боковой части участка. На подоконнике стояли две сухие ветки в стеклянной вазе. В шкафу за матовым стеклом виднелись тарелки, кружки, банки с крупами. Не слишком много. Просто достаточно, чтобы дом выглядел жилым. Итан начал раскладывать продукты. Хлеб. Сыр. Яйца. Пакет салата. Кофе. Молоко. Апельсины. Эмма посмотрела на апельсины и вдруг вспомнила, что не ела почти весь день. Тело отозвалось поздней, злой слабостью.

— Сядь, — сказал Итан.

Она подняла глаза.

— Я не инвалид.

— Я знаю.

— Тогда не говори со мной так.

Он остановился, держа в руке упаковку кофе. На этот раз что-то мелькнуло в его лице. Не раздражение. Скорее быстрая настройка. Как будто он чуть изменил угол.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел командовать.

Эмма молчала.

— Правда.

Он положил кофе на столешницу.

— Просто ты выглядишь так, будто держишься на одном упрямстве.

— Упрямство у меня качественное.

— Я заметил.

И вот тут она почти улыбнулась. Почти. Это было опаснее, чем любые его правильные фразы. Он умел вовремя отступить. Умел дать ей пространство в тот момент, когда она уже готовилась защищать то ли себя, то ли его. Она сама не знала.

— Я сделаю чай, — сказал Итан. — Или кофе. Или ничего.

— Чай.

— Хорошо.

Она села за стол. Дерево было гладким под пальцами. На столе не было ни крошек, ни царапин, ни следов чужой жизни. Только небольшая отметина у края, едва заметная. Эмма провела по ней ногтем. Итан поставил чайник. В доме начали появляться звуки: вода в кране, щелчок плиты, тихий удар дверцы шкафа. С обычными звуками место сразу стало менее чужим. Или просто тело хваталось за любую привычность. Эмма достала телефон. Нет сети. Она встала.

— Я попробую у окна.

Итан не обернулся.

— В гостиной лучше.

Она прошла обратно, подняла телефон выше, подошла к одному окну, потом к другому. Ничего. На веранде, сказал он. Она открыла дверь. Холод ударил сразу. Влажный, речной, с запахом земли и старых листьев. Доски под ногами были скользкими. Эмма вышла в носках, тут же пожалела, но не вернулась. Телефон поймал одну полоску. Она быстро открыла переписку с Тессой. Сообщение всё ещё висело. Она набрала второе.

Я с Итаном. Дом у реки. Связь плохая.

Палец замер над кнопкой отправки. Дом у реки. Глупо. Тесса не знала, какой именно дом. Эмма оглянулась через стекло. Итан стоял на кухне спиной к ней. Наливал воду в кружку. Обычный мужчина в обычном доме. Ничего страшного. Она добавила:

Не знаю адрес. Пришлю, когда узнаю.

Нажала отправить. Кружок закрутился. Завис. Телефон потерял сеть.

— Да чтоб тебя, — тихо сказала Эмма.

Дверь за её спиной открылась. Она вздрогнула. Итан стоял в проёме, держа её ботинки в одной руке и плед в другой.

— Ты без обуви.

Эмма посмотрела вниз. Носки уже успели намочнуть.

— Я не заметила.

— заметишь через минуту.

Он поставил ботинки рядом с ней. Не подошёл ближе. Плед тоже не накинул сам. Просто протянул. Она взяла его.

— Спасибо.

— Ушла связь?

— Да.

— Утром обычно лучше. Здесь вечерами проваливается.

— Почему ты тогда сказал, что на веранде ловит?

— Потому что иногда ловит.

Он не оправдывался. И в этом тоже было что-то неуловимо неприятное. Эмма натянула ботинки прямо на мокрые носки и закуталась в плед. Внизу темнела река. На противоположном берегу не было огней. Только лес, вода и низкое небо, в котором не осталось цвета.

— Адрес какой? — спросила она.

Итан посмотрел на неё.

— Тебе сейчас?

— Да.

— Я запишу.

— Скажи.

Он назвал дорогу, номер участка и городок, название которого она не разобрала с первого раза.

— Повтори.

Он повторил. Эмма открыла заметки и попыталась ввести. Телефон был холодный, пальцы плохо попадали по буквам. Итан смотрел, но не вмешивался. Это должно было успокоить. Она сохранила адрес.

— Завтра отправлю Тессе.

— Хорошо.

— И Карле.

— Конечно.

— И маме.

— Эмма.

Она подняла взгляд. Вот теперь в его голосе появилась осторожность.

— Что?

— Ты можешь написать всем. Я не против.

— Я не спрашивала разрешения.

— Я знаю.

Ветер пошевелил ветки над верандой. Где-то внизу что-то плеснуло в воде. Итан выдохнул.

— Я просто думаю, что если ты сейчас начнёшь всем объяснять, где ты, почему ты здесь и что происходит, ночь закончится звонками. А ты едва стоишь.

Эмма хотела ответить сразу. Не вышло. Потому что он снова сказал разумную вещь. И потому что она действительно едва стояла.

— Один звонок Тессе, — сказала она.

— Утром.

— Сейчас.

— Связи нет.

— Я попробую.

— Конечно.

Он отступил от двери.

— Чай на столе.

Она осталась на веранде ещё на несколько минут из чистого упрямства. Телефон не поймал ничего. Когда она вернулась, пальцы на ногах онемели, а в горле стояла неприятная сухость. Итан поставил перед ней кружку. Рядом положил чистые носки. Эмма оглядела их с подозрением.

— У тебя тут женские носки?

— Нет. Просто маленькие.

— Очень убедительно.

Он сел напротив.

— Они новые.

— Это не было главным вопросом.

— Я понял.

На этот раз он улыбнулся. Не виновато. Не слишком широко. Эмма взяла носки.

— Спасибо.

— Переоденься. Иначе заболеешь.

— Ты всегда говоришь так, будто у тебя есть список правильных действий на каждый случай?

— Обычно он есть.

— Ненавижу организованных людей.

— Ничего, я переживу.

Она ушла в ванную переодеться. Ванная оказалась в конце коридора. Маленькая, чистая, с белой плиткой и круглым зеркалом. На полке стояли новые зубные щётки в упаковке, мыло, аптечка, пачка ватных дисков. Эмма остановилась. Потом открыла шкафчик. Обезболивающее. Пластыри. Антисептик. Термометр. Крем для рук. Всё обычное. Слишком обычное. Она закрыла шкафчик и посмотрела на себя в зеркало. Лицо было бледным. Волосы растрепались от ветра. Под глазами легли тени, которые уже не скрывал ни свет, ни привычка держаться. За день она успела испугаться Дэниела. Не испугаться Дэниела. Поверить Итану. Усомниться в Итане. Разозлиться на себя за это. И снова взять его плед. Эмма опустила глаза. На раковине лежала маленькая гостевая салфетка, сложенная ровным прямоугольником. Дом не выглядел спонтанным. Дом выглядел подготовленным. Она переоделась в сухие носки и вышла. Итан стоял у камина, укладывая дрова. Пламя уже занималось, тонкое, нервное, быстро находя края сухой коры.

— Тебе надо поесть, — сказал он.

— Я знаю.

— Я могу сделать омлет.

— Ты всегда такой полезный?

— Нет.

— А сейчас?

Он посмотрел на огонь.

— Сейчас я стараюсь.

Ответ был тихий. Без защиты. И именно поэтому Эмма не стала продолжать. Через десять минут они ели на кухне. Омлет оказался нормальным. Не ресторанным, не показным, просто тёплым и съедобным. Эмма поняла, что голодна, только после третьего кусочка. Итан ел мало. Больше смотрел в тарелку, чем на неё.

— Ты сам кому-нибудь сказал, что мы здесь? — спросила она.

— Нет.

— Никому?

— Никому.

— Почему?

Он отложил вилку.

— Потому что ты выглядела так, будто тебе нужен час без людей.

— Мне нужен не час без людей. Мне нужно понимать, что происходит.

— Я знаю.

— Не знаешь.

Слова ударили по комнате резче, чем она ожидала. Итан поднял на неё глаза. Эмма поставила вилку.

— Никто ничего не знает. Анна мертва. Дэниел то ли лжёт, то ли нет. Тесса где-то там. Харрис что-то ищет. Я сижу в доме, адрес которого узнала пять минут назад. И ты говоришь мне пить чай.

Он молчал.

— Я не хочу чай, Итан. Я хочу, чтобы хоть что-то имело смысл.

Пламя в гостиной треснуло. Слишком громко для такого маленького звука. Итан встал, подошёл к раковине и налил стакан воды. Вернулся, поставил перед ней. Не чай. Воду. Эмма не удержала смехок. От усталости. От злости. От того, что это было глупо и правильно одновременно.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Я только что сказала, что не хочу, чтобы меня успокаивали.

— Я не успокаиваю. Ты бледная.

— Боже.

Она закрыла лицо ладонями. Несколько секунд ничего не происходило. Потом Итан сказал:

— Я не знаю, что происходит.

Эмма опустила руки. Он стоял с другой стороны стола.

— Я знаю только то, что ты была на грани. И что рядом с тобой снова появился человек, после которого ты каждый раз начинаешь сомневаться в собственной голове. Я не говорю, что он убийца. Я не говорю, что он не убийца. Я говорю, что сегодня ночью тебе не нужно быть там, где он может тебя найти.

Где он может тебя найти. Фраза вошла тихо. И осталась. Эмма посмотрела на тёмное окно. В стекле отражались кухня, стол, Итан и она сама. За отражением ничего не было видно. Если бы кто-то стоял снаружи, она бы его не увидела.

— Он не знает, где я, — сказала она.

— Хорошо.
— Тесса тоже.
— Утром она узнает.
— Ты так уверен, что утром всё будет проще?
Итан долго смотрел на неё.
— Нет.

Вот это было первое честное слово за вечер, которому она поверила сразу. После ужина он показал ей комнаты наверху. Лестница скрипела только на третьей ступени. Эмма заметила это машинально. Наверху было три спальни. Одна большая, с окнами к реке. Вторая меньше, с письменным столом и книжной полкой. Третья почти пустая, с узкой кроватью и старым комодом.

— Выбирай, — сказал Итан.
Она остановилась у второй.
— Эта.
— Хорошо.

Он поставил её сумку у двери. Не внёс внутрь, пока она не прошла первой. Ещё одна правильная вещь. Слишком много правильных вещей за один вечер. Комната пахла чистым бельём и деревом. На кровати лежало покрывало тёмно-серого цвета. На столе стояла лампа. В углу — кресло, в котором никто не сидел достаточно долго, чтобы оставить след. Эмма подошла к окну. С этого окна река была ближе. Чёрная, широкая, тихая. На воде дрожал слабый отблеск света с веранды.

— Я буду внизу, — сказал Итан. — Дверь можешь закрыть. Ванная рядом. Если что-то нужно, скажи.

Она не обернулась.
— Итан.
— Да?
— Почему ты так хорошо всё делаешь?
Он молчал чуть дольше, чем раньше.
— Как?

— Не давишь. Не споришь. Не обижаешься. Всегда отходишь на шаг именно тогда, когда надо.

Она повернулась. Итан стоял в дверях. Свет из коридора ложился ему на плечо, оставляя лицо наполовину в тени.

— Это звучит как обвинение, — сказал он.
— Я не знаю, как это звучит.
— Я не хочу, чтобы тебе было страшно рядом со мной.
— Обычно люди просто говорят это.
— А я стараюсь.
Снова это слово. Стараюсь. Эмма кивнула.
— Спокойной ночи.
— Спокойной ночи.

Он вышел и прикрыл дверь. Не закрыл до щелчка. Оставил узкую полоску света. Эмма стояла посреди комнаты и смотрела на эту полоску, пока глаза не начали болеть. Потом подошла к двери и закрыла её сама. Щелчок прозвучал громче, чем должен был.

Она достала телефон. Нет сети. Села на край кровати. Открыла заметки с адресом. Проверила каждую букву, хотя знала, что без связи это бессмысленно. Потом снова открыла переписку с Тессой. Оба предыдущих сообщения так и висели серым.

Эмма дописала третье. Адрес: и ввела то, что сказал Итан. Сохранила. Нажала отправить. Кружок закрутился. Долго. Потом рядом с сообщением появилась знакомая серая отметка. Не доставлено.

Эмма положила телефон на стол и посмотрела на закрытую дверь. Дом был тихим. Внизу едва слышно двигался Итан. Вода текла по трубам. Потом что-то стукнуло на кухне. Потом наступила тишина.

Усталость подбиралась медленно, но уверенно. Как вода под дверь. Эмма сняла свитер, переделась в футболку, которую нащупала в сумке, и легла поверх покрывала. Под одеяло залезать не хотелось. Это было бы слишком похоже на согласие остаться. Она закрыла глаза. Через минуту открыла.

В комнате было темно, но не полностью. Свет с веранды проходил через шторы и ложился на потолок узкими полосами. Где-то в доме щёлкнул замок. Эмма села. Прислушалась. Ничего. Только река. Только ветер. Только старое дерево, которое могло издавать любые звуки и каждый раз выглядеть невиновным.

Она встала, подошла к двери и приоткрыла её. Коридор был пуст. Внизу горел слабый свет. Итан, наверное, закрыл входную дверь. Нормально. Люди закрывают двери на ночь. Она вернулась к кровати.

Телефон на столе мигнул. Эмма схватила его так резко, что едва не уронила. Одна полоска. На экране появилось уведомление. Сообщение не отправлено. Она выдохнула сквозь зубы. Потом поняла: это был не новый ответ, просто телефон обновил время. 23:47.

Эмма села на пол у окна, подняла телефон выше и долго держала руку вытянутой. Сеть появилась на секунду. Исчезла. Снова появилась. Она открыла сообщение Тессе и нажала повторить. Кружок закрутился.

За дверью тихо скрипнула ступень. Эмма замерла. Шаги остановились в коридоре. Не у самой двери. Чуть дальше. Она смотрела на экран. Кружок всё ещё крутился. За дверью стало тихо — слишком тихо. Потом Итан сказал:

— Эмма?

Она не ответила сразу. Телефон потерял сеть. Сообщение снова не ушло.

— Ты не спишь? — спросил он.

Она опустила руку.

— Нет.

— Всё в порядке?

Эмма посмотрела на дверь. Потом на телефон. Потом снова на дверь.

— Да.

Пауза.

— Точно?

— Да, Итан.

Доски тихо скрипнули. Он не ушёл сразу. Стоял там ещё несколько секунд.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я просто слышал шаги.

Она медленно поднялась с пола.

— Это были мои.

— Я понял.

И снова пауза. Потом его шаги стали удаляться. Эмма дождалась, пока он спустится вниз. Только после этого поняла, что всё это время держала телефон так крепко, что заболели пальцы. Она положила его на стол экраном вниз. Потом подошла к двери и повернула маленький замок. Тихо. Почти без звука. Легла обратно на кровать и долго смотрела в потолок. Дом у реки должен был быть безопасным местом. И, может быть, был. Может быть, вся проблема была в ней. В её усталости, в памяти, в Дэниеле, в Анне, в слишком длинном дне, который растянулся на несколько жизней. Может быть, Итан правда просто пытался помочь. Внизу снова

что-то щёлкнуло. На этот раз дальше. У входной двери. Или у окна. Или в той части дома, которую она ещё не видела. Эмма закрыла глаза. И впервые за вечер подумала не о Дэниеле.

Глава 2. След на север

Тесса поняла, что едет слишком быстро, только когда навигатор второй раз за пять минут предупредил её о превышении скорости. Голос был женский, ровный и настолько спокойный, что хотелось бросить телефон в окно. Тесса сбросила скорость, но через пару секунд снова нажала на газ.

Ночная дорога вытягивалась перед ней тёмной лентой, мокрой после дождя, с редкими отражениями фар в лужах у обочины. Бостон остался позади, растворился в развязках, светофорах, окнах, в людях, которые сейчас, наверное, возвращались домой, открывали холодильники, ругались из-за парковки, выбирали, что смотреть перед сном. Обычная жизнь продолжалась с наглостью, которая всегда казалась Тессе оскорбительной, когда случалось что-то плохое.

Она крепче сжала руль и посмотрела на экран телефона, закреплённый на панели. Синяя линия маршрута уходила на север. Иногда она пропадала на секунду, будто сам навигатор сомневался, стоит ли вести её дальше. Тесса не была уверена, что стоит. Она вообще не была уверена ни в чём с той минуты, как Дэниел перестал отвечать.

Сначала это выглядело разумно. Он был на взводе. Слишком много полиции, слишком много вопросов, слишком много старых имён, которые за один день вернулись в его жизнь и начали ломать её изнутри. Дэниел не любил быть загнанным в угол. Она помнила это ещё по Колдеру. Тогда это казалось частью характера. Немного холодности, немного упрямства, немного той неприятной уверенности, с которой человек смотрит на проблему и решает, что справится лучше всех, если остальные не будут мешать. Теперь эта черта перестала выглядеть безобидной.

Телефон завибрировал. Тесса вздрогнула, едва не зацепив колёсами белую линию у края полосы. На экране высветилось имя Харриса. Она нажала кнопку громкой связи.

— Да.

— Где вы?

Голос детектива был сухим. Не злым. Это было хуже. Злой человек оставляет место для эмоции. Харрис говорил как человек, который уже устал от чужих плохих решений и готовится записать ещё одно в отчёт.

— На трассе.

— Какой именно?

— Северная. Примерно час от города, может меньше. Я не смотрю на часы.

— Посмотрите.

Тесса бросила взгляд на панель.

— Двадцать три ноль шесть.

— Я не время имел в виду.

— Я знаю.

Она перестроилась в правую полосу, потому что впереди грузовик шёл слишком медленно, а встречный свет бил в глаза. На секунду дорога исчезла в белом блеске фар. Потом снова вернулась.

— Тесса, — сказал Харрис. — Мне нужен конкретный ответ. Вы едете за Дэниелом?

Она молчала слишком долго.

— Это уже ответ, — сказал он.

— Я еду туда, куда, возможно, поехал он.

— Прекрасно. Значит, за Дэниелом.

— Я не знаю точно, где он.

— Зато он, похоже, знает, куда едет.

Тесса почувствовала, как в животе неприятно сжалось.

— Вы что-то нашли?

На другом конце линии послышался короткий шум, будто Харрис прикрыл трубку ладонью или повернул голову к кому-то в участке. Потом вернулся.

— Камера на выезде из города поймала его машину в девять сорок две. Северное направление.

— Это было несколько часов назад.

— Да.

— И всё?

— Нет.

Она ждала. Харрис не торопился. Это было ещё хуже.

— Его телефон последний раз дал сигнал недалеко от въезда на старую окружную дорогу. Потом отключился.

— Разрядился?

— Возможно.

— Вы сами в это верите?

— Я верю данным. Интерпретации оставляю на потом.

Тесса издала короткий, невесёлый смешок.

— Очень удобно.

— Нет, мисс Мерсер. Удобно было бы, если бы человек, связанный с погибшей женщиной и несколькими противоречивыми показаниями, не исчезал с выключенным телефоном в ту же ночь, когда ещё одна женщина уезжает неизвестно куда.

Тесса сжала руль сильнее.

— Эмма не неизвестно куда.

— Тогда скажите куда.

Она посмотрела на телефон. На экране не было новых сообщений. Последнее, что пришло от Эммы, было днём. Короткое, неровное, будто она печатала на ходу или дрожащими пальцами.

Не встречайся с ним одна. И не говори ему, что я ответила.

Тесса перечитала это сообщение столько раз, что могла бы восстановить его с закрытыми глазами. Не встречайся с ним одна. С ним. С Дэниелом. Тогда всё было понятно. Или так казалось. Эмма боялась Дэниела. Тесса тоже начала его бояться, хотя весь день пыталась убедить себя, что боится не человека, а набора совпадений. Потом Дэниел исчез. Потом Эмма перестала отвечать. Потом Итан увёз её из города. И теперь ничего уже не выглядело просто.

— Я не знаю адрес, — сказала Тесса.

— Но вы знаете, что она с Итаном Хейлом.

— Да.

— Он сказал вам, куда везёт её?

— Нет.

— Эмма сказала?

— Нет.

— Тогда у нас разные представления о слове «известно».

Тесса резко выдохнула.

— Он говорил о доме у реки. Не мне. Ей. Я слышала только часть разговора.

— Где?

— Когда мы были в квартире. После того, как она сорвалась. Он сказал, что у него есть место, где тихо. Что там можно переждать.

— И вы позволили ей уехать?

Фраза ударила точно в то место, которое у неё и так болело. Тесса посмотрела на дорогу. Дождь почти закончился, но дворники всё ещё время от времени смахивали мелкую водяную пыль со стекла. Впереди справа мелькнул знак заправки через две мили.

— Не надо так говорить.

— Как?

— Будто я стояла у двери и выдавала разрешение.

— А как это выглядело?

Она хотела ответить резко. Не смогла. Потому что в памяти всё действительно выглядело плохо. Эмма на кухне, бледная, с телефоном в руке. Итан рядом, спокойный, собранный. Его голос, мягкий и ровный, почти не меняющийся, пока все остальные говорили слишком громко или слишком быстро. Тебе нельзя сейчас оставаться одной. Это не звучало как контроль. Это звучало как правда. Тесса тогда тоже поверила.

— Она была не в состоянии принимать нормальные решения, — сказала она.

— Именно поэтому я спрашиваю, почему её увёз мужчина, которого никто из нас толком не проверил.

Тесса почувствовала, как поднимается злость. Не на Харриса. На себя.

— Потому что в тот момент проверяли Дэниела.

— Мы всё ещё проверяем Дэниела.

— Я знаю.

— И я бы предпочёл, чтобы вы не ехали одна по трассе ночью, пытаясь сделать мою работу за меня.

— Тогда сделайте её быстрее.

В линии стало тихо. Она сразу пожалела, что сказала это. Не потому что это была неправда — потому что правда редко становится полезнее от того, что её бросили человеку в лицо. Харрис ответил не сразу.

— Я понимаю, что вы боитесь за Эмму.

— Вы не понимаете.

— Возможно. Но я понимаю, что страх делает людей глупее.

— Это вы сейчас про меня?

— Да.

Тесса неожиданно рассмеялась. Коротко, без радости.

— Честно хотя бы.

— Остановитесь на ближайшей заправке. Пришлите мне точку. Дальше не едьте, пока я не скажу.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда оформите как приказ, детектив.

— Вы не сотрудник полиции.

— Вот именно.

Он выругался тихо, почти беззвучно, но она услышала.

— Тесса, — сказал он уже другим тоном. — Послушайте меня. Если Дэниел действительно движется к Эмме, вы не хотите оказаться между ними.

— А если он не к Эмме движется?

— Куда ещё?

Она не ответила. Потому что этот вопрос не отпускал её последние сорок минут. Куда ещё? Дэниел мог бежать. Мог искать Анну. Бредовая мысль, потому что Анна была мертва, но люди в панике редко выбирают логичные направления. Мог ехать к старому знакомому. Мог избавляться от чего-то. Мог искать доказательство. Мог искать Эмму. И мог быть не единственным, кто к ней едет. Тесса посмотрела на тёмную дорогу впереди.

- Вы проверяли Итана?
— Проверяем.
— Это не ответ.
— Это единственный ответ, который у меня есть.
— У него есть дом у реки.
— У многих людей есть дома у реки.
— Не надо.
— Что именно?
— Не делайте вид, что это мелочь.
Харрис вздохнул.
— У вас есть фамилия владельца, примерный район, название городка, хоть что-нибудь?
— Нет.
— Тогда я ищу иголку в лесу.
— В лесу хотя бы можно ходить.
— Очень полезное замечание.
Она увидела съезд на заправку и включила поворотник.
— Я остановлюсь через минуту.
— Хорошо.
— Но только чтобы посмотреть карту и поймать связь.
— Пришлите точку.
— Да.
— И не продолжайте, пока мы не поговорим снова.
Тесса не ответила. Харрис услышал это молчание правильно.
— Мисс Мерсер.
— Я остановлюсь, — сказала она. — Это всё, что я могу обещать.
Она отключила звонок раньше, чем он успел сказать что-то ещё. Заправка стояла у дороги почти пустая. Два насоса под белым светом, маленький магазин с грязными окнами, автомат с кофе возле входа. На парковке стоял пикап с потухшими фарами и старый седан, покрытый дорожной грязью так, будто он уже давно перестал спорить с погодой. Тесса припарковалась у края, не глуша двигатель. Руки дрожали. Она заметила это только тогда, когда попыталась открыть бутылку воды, лежавшую в подстаканнике. Крышка не поддавалась с первого раза. Со второго тоже. Тесса бросила бутылку на пассажирское сиденье и закрыла глаза. На секунду стало очень тихо. Потом телефон снова завибрировал. Не Харрис. Карла. Тесса посмотрела на имя и почувствовала усталость ещё до того, как ответила.
— Да.
— Ты с ней говорила?
Голос Карлы был резким. Слишком громким для закрытой машины.
— Нет.
— Она не отвечает.
— Я знаю.
— Что значит «знаю»?
— Я тоже ей пишу.
— Где она?
Тесса провела ладонью по лицу.
— С Итаном.
На той стороне повисла пауза. Потом Карла сказала:
— Я это знаю. Я спрашиваю, где.
— Я не знаю адрес.
— Блядь.

Слово прозвучало так честно, что Тессе почти стало легче.

— Да.

— Почему она уехала с ним?

— Потому что ей было плохо.

— Ей всегда плохо, когда вокруг появляется Дэниел. Это не повод уезжать чёрт знает куда с мужчиной, которого мы знаем пять минут.

— Карла.

— Нет, не Карла. Я серьёзно. Мы опять все смотрели на Дэниела, потому что это удобно. Потому что он уже был плохим. Потому что у него лицо человека, которому хочется не доверять даже когда он молчит.

Тесса открыла глаза.

— Ты думаешь, дело не в нём?

— Я думаю, что я уже ничего не думаю. Вот это проблема.

В магазине заправки продавец в красной жилетке вышел к двери и закурил, прикрывая ладонью огонь от ветра. Он посмотрел на машину Тессы, но без интереса. Просто отметил чужое присутствие.

— Эмма писала тебе? — спросила Тесса.

— Последнее сообщение два часа назад. Что она с Итаном. Что ей нужно немного тишины. Потом ничего.

Тесса выпрямилась.

— Она написала, что с Итаном?

— Да.

— Точно?

— Господи, Тесса, я умею читать.

— Перешли мне.

— Сейчас.

Через несколько секунд телефон пикнул. Тесса открыла пересланное сообщение.

Я с Итаном. Мне нужно немного тишины. Не волнуйся. Завтра напишу нормально.

Тесса перечитала его один раз. Потом второй. Что-то в тексте было неправильным. Не настолько, чтобы закричать. Достаточно, чтобы внутри стало холоднее.

— Карла.

— Что?

— Это похоже на неё?

— В каком смысле?

— «Не волнуйся. Завтра напишу нормально.»

Карла молчала. В машине тихо работал двигатель. Дворники остановились посреди стекла и через несколько секунд снова дёрнулись, смахивая невидимую влагу.

— Она могла так написать, — сказала Карла наконец. — Если хотела, чтобы я не лезла.

— Могла.

— Но?

— Но после того, что она написала мне раньше, это слишком спокойное сообщение.

— Что она написала тебе?

Тесса посмотрела на экран.

Не встречайся с ним одна. И не говори ему, что я ответила.

Она не хотела говорить это Карле. Не сейчас. Не по телефону. Не тогда, когда сама не знала, что это значит.

— Она боялась Дэниела, — сказала Тесса.

— Все боятся Дэниела.

— Не все.

— Ты защищаешь его?

— Нет.

— Звучит так, будто защищаешь.

— Я пытаюсь не выбрать неправильного монстра только потому, что он первый попался под руку.

Карла выдохнула резко.

— Отлично. У нас теперь несколько монстров. Прогресс.

Тесса почти улыбнулась. Почти.

— Я на заправке к северу от города. Харрис сказал ждать.

— А ты будешь?

— Нет.

— Хорошо.

— Карла.

— Что?

— Это плохой ответ.

— Зато честный. Слушай меня. Я не знаю, что там происходит. Но Эмма не должна быть одна. Ни с Дэниелом, ни с Итаном, ни с собственными мыслями. Если ты можешь доехать ближе, доезжай. Только не делай из себя героиню дешёвого триллера. Героини дешёвых триллеров всегда заходят в подвал без света.

— Спасибо за инструкцию.

— Не заходи в подвал.

— Я запомню.

— И присылай мне точку. Каждые двадцать минут.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Карла помолчала.

— Тесса.

— Да?

— Если увидишь Дэниела, не подходи к нему.

Тесса посмотрела на тёмное отражение в лобовом стекле. На собственное лицо, вытянутое, бледное, с глазами человека, который уже давно должен был повернуть назад.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Ты из тех людей, которые думают, что могут разговорить даже пожар, если подойти достаточно спокойно.

— Это странное описание.

— Зато точное.

— Я не буду подходить к нему.

Тесса сказала это и сразу поняла, что не уверена. Карла, видимо, тоже.

— Пришли точку, — сказала она.

— Сейчас.

Тесса отключилась, открыла карту и отправила геолокацию Карле и Харрису. Потом вышла из машины. Холодный воздух ударил по лицу. Заправка пахла бензином, мокрым асфальтом и пережаренным кофе из автомата. За дорогой стояла темнота. Не полная. Вдалеке иногда проходили фары, выхватывая обочину, дорожный знак, голые ветки. Тесса подошла к магазину. Продавец затушил сигарету о металлическую урну и придержал дверь плечом.

— Закрываемся через пятнадцать минут.

— Я быстро.

Внутри было ярко и неприятно тепло. Полки с чипсами, батарейками, шоколадом, обезболивающим. Холодильник у стены гудел так, будто держался на одной злости. Возле кассы стояла стойка с картами района. Настоящими бумажными картами. Тесса посмотрела на них и почувствовала неожиданную нежность к этому бессмысленному пережитку.

— У вас есть карта местных дорог? — спросила она.

Продавец кивнул на стойку.

— Там.

Она взяла одну, развернула прямо на прилавке.

— Мне нужен район с домами у реки. Частные дома. Не коттеджный посёлок.

Продавец посмотрел на неё внимательнее.

— Тут много реки.

— Я понимаю.

— Название знаете?

— Нет.

— Фамилию?

Тесса подняла глаза.

— Хейл. Итан Хейл.

Продавец не изменился в лице настолько явно, что это само по себе прозвучало ответом.

— Не знаю такого.

— Вы даже не подумали.

— У нас тут люди не любят, когда их обсуждают с незнакомыми женщинами ночью.

— А когда любят?

Он пожал плечами.

— Почти никогда.

Тесса достала телефон и открыла фотографию Итана из новостного материала, который успела найти раньше. Не лучшую, но достаточно чёткую: деловой костюм, уверенная улыбка, лицо человека, который привык проходить через любые двери без объяснений. Она повернула экран к продавцу.

— Он.

Продавец посмотрел. Слишком быстро отвёл взгляд.

— Может, видел.

— Здесь?

— Может.

— Сегодня?

Он вздохнул.

— Послушайте, я не хочу проблем.

— Я тоже.

— Не похоже.

Тесса наклонилась чуть ближе.

— С ним могла быть женщина. Тёмные волосы, немного старше меня, выглядит так, будто не спала три дня и всё равно пытается держаться нормально.

— Очень точное описание для половины людей, которые сюда заезжают.

— Она могла быть напугана.

— Напуганные люди тоже не редкость.

— А мужчина?

Продавец посмотрел на дверь, потом на пустую парковку.

— Они не заходили.

— Но вы их видели.

— Может быть.

— Когда?

Он помолчал.

— Час назад. Может больше. Тёмная машина. Остановилась у насоса, но бензин не брали.

Он вышел, позвонил кому-то. Женщина осталась в машине.

У Тессы пересохло во рту.

— Она пыталась выйти?

— Нет.

— Смотрела на вас?

— Я не пялюсь в чужие машины.

— Но заметили.

— Потому что она светила телефоном у окна. Поднимала его выше. Как люди делают, когда связи нет.

Тесса закрыла глаза на секунду. Эмма.

— Куда они поехали?

Продавец указал подбородком на карту.

— Съехали вот сюда. Старая дорога вдоль воды. Там несколько домов. Большие участки.

Некоторые пустуют зимой.

— Названия?

Он взял ручку, обвёл участок дороги и поставил крестик у развилки.

— После моста налево. Потом дорога раздваивается. Если поедете вправо, выйдете к старой пристани. Если влево, к частным участкам. Но ночью там легко проскочить поворот.

— Дом Хейла там?

— Я сказал, что не знаю.

— А если бы знали?

Он посмотрел на неё с усталостью человека, который уже пожалел, что закурил у входа.

— Если бы знал, сказал бы, что у одного из домов на почтовом ящике нет фамилии.

Только номер. Чёрный ящик, белые цифры. Дорога вниз, к воде. В темноте почти не видно.

Тесса кивнула и сложила карту.

— Спасибо.

— Я вам ничего не говорил.

— Конечно.

Она уже доставала деньги, но он махнул рукой.

— Забирайте.

— Нет, я заплачу.

— Тогда купите кофе. Карта старая, всё равно никто не берёт.

Тесса взяла с полки бутылку воды и упаковку жвачки — просто чтобы это выглядело как покупка. Продавец пробил товар и пакет не предложил. Когда она взяла карту, он сказал:

— Там связь плохая.

Она остановилась.

— Я знаю.

— Нет. Не просто плохая. Местами вообще нет. У воды проваливается. Люди думают, что телефон умер, а потом поднимаются выше, и всё возвращается.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Склон, деревья, чёрт его знает. Я не инженер.

— Спасибо.

— И ещё.

Тесса посмотрела на него. Продавец опустил голос.

— Если едете туда из-за мужчины на тёмной машине, не едьте одна.

— Какого мужчины?

— Другого.

Она замерла.

— Другого?

— Был ещё один. Раньше. Минут за сорок до них. Серый седан. Спрашивал ту же дорогу. Тесса почувствовала, как вся кожа на руках стала холодной.

— Как он выглядел?

— Высокий. Тёмное пальто. Лет сорок с чем-то. Лицо такое, будто лучше не спрашивать, почему он не спит.

Дэниел.

— Он назвал имя?

— Нет.

— Что именно спросил?

Продавец поморщился, вспоминая.

— Как доехать к старому мосту и есть ли проезд вдоль реки. Я сказал, что дорога после дождя плохая. Он сказал, что пройдёт пешком, если надо.

Тесса держала карту так крепко, что край смялся между пальцами.

— Он был один?

— Да.

— Он выглядел опасным?

Продавец посмотрел на неё с чем-то вроде жалости.

— В такое время никто не выглядит безопасным.

Она вышла из магазина с картой, водой и ощущением, что земля под ногами стала чуть менее надёжной. На улице ветер усилился. Тесса дошла до машины, села, закрыла дверь и несколько секунд просто смотрела перед собой. Итан был здесь. Эмма была с ним. Дэниел был здесь раньше. Все они двигались к одному месту. Телефон снова завибрировал. Харрис. Она ответила.

— Я просил ждать.

— Они были здесь.

Пауза.

— Кто?

— Итан и Эмма. Продавец видел их час назад. Они поехали к старой дороге вдоль воды.

— Адрес?

— Нет. Но есть направление.

— Тесса, не двигайтесь.

— Дэниел тоже был здесь.

Харрис замолчал. Вот теперь она услышала, как изменилось его дыхание.

— Когда?

— Минут за сорок до них. Спрашивал дорогу к старому мосту. Сказал, что пойдёт пешком, если надо.

— Чёрт.

— Да.

— Пришлите мне фото карты. Сейчас.

Тесса положила карту на руль, сфотографировала обведённый участок и отправила. Сообщение ушло не сразу. Потом всё-таки ушло.

— Получили?

— Да.

На фоне у Харриса кто-то говорил. Он резко ответил кому-то, потом снова вернулся к ней.

— Мы поднимем местных. Но это не город. Там быстро не получится.

— Я ближе.

— Именно поэтому вы должны остановиться.

— Нет.

— Тесса.

— Он уже там.

— Возможно.

— Эмма тоже.

— Возможно.

— Не говорите мне «возможно», когда мы оба знаем, что это правда.

Харрис понизил голос.

— Вы не вооружены. Вы не подготовлены. Вы не знаете, что увидите.

— Я знаю, что если сверну обратно, потом буду жить с этим всю оставшуюся жизнь.

— А если поедете дальше, можете не жить вообще.

Она закрыла глаза. На секунду ей стало страшно по-настоящему. Не нервно. Не тревожно. Страшно так, что тело само захотело выбрать самый простой путь: остаться на светлой заправке, дожидаться полиции, пить плохой кофе из автомата и говорить себе, что взрослые люди с полномочиями разберутся. Но в голове всплыло лицо Эммы. Не сегодняшнее даже. Старое. Колдер. Кафе с пережжённым кофе. Эмма, которая смеялась, откидывая голову назад, и говорила Карле, что та драматизирует даже выбор печенья. Эмма, которая потом исчезла из жизни Тессы не резко, не трагично, а как исчезают люди, которым слишком стыдно рассказывать правду о себе. Тесса тогда не спросила. Не настояла. Не приехала. Не заметила. И теперь это прошлое сидело рядом с ней на пассажирском сиденье, мокрое, холодное и очень терпеливое.

— Я поеду медленно, — сказала она.

— Это не компромисс.

— Это всё, что есть.

— Держите линию открытой.

— Связь пропадёт.

— Тогда пока она есть, говорите.

Тесса включила передачу.

— Харрис.

— Что?

— Если я увижу Дэниела?

— Не подходите.

— А если он увидит меня?

— Уезжайте.

— А если рядом будет Эмма?

Он не ответил сразу.

— Тогда сначала смотрите на её руки.

— Что?

— Если человек в опасности, руки часто говорят быстрее лица. Связаны, спрятаны, подняты, сжаты. Смотрите на руки. На расстояние между ними. На двери. На ножи. На то, кто стоит ближе к выходу.

Тесса почувствовала, как внутри стало ещё холоднее.

— Вы говорите так, будто уже знаете, что там будет плохо.

— Я говорю так, потому что не хочу, чтобы вы вошли в сцену и увидели только то, что боитесь увидеть.

Она медленно выехала с парковки.

— Поздно, детектив.

— Для чего?

Тесса посмотрела на дорогу, уходящую в темноту.

— Я уже боюсь.

Она свернула обратно на трассу, потом через несколько минут ушла на старую дорогу, которую продавец обвёл на карте. Асфальт быстро стал хуже. Машину начало трясти на ямах, в колёсных колеях блестела вода. По обе стороны дороги стояли деревья, слишком близко, будто их посадили не для красоты, а чтобы скрыть то, что находится дальше. Связь упала с двух полосок до одной. Голос Харриса в динамике начал рваться.

— Тесса, вы меня слышите?

— Да.

— Держитесь основной дороги до моста. Не сворачивайте без подтверждения.

— Хорошо.

— И если увидите машину Дэниела, не останавливайтесь рядом.

— Хорошо.

— Вы каждый раз говорите «хорошо» так, будто всё равно сделаете наоборот.

— Это моя плохая привычка.

— Я заметил.

Впереди дорога пошла вниз. Склон был пологий, но после дождя машина скользнула на гравий, и Тесса сбросила скорость почти до минимума. Слева между деревьями на секунду мелькнула вода. Чёрная, без отражений. Потом пропала. Телефон хрипнул.

— ...слышите?

— Да.

— Повторите ваше местоположение.

— Старая дорога. Еду к мосту. Вода слева.

— Хорошо. Не теряйте...

Связь оборвалась. Тесса посмотрела на экран. Нет сети. Она выругалась тихо и положила телефон в подстаканник экраном вверх. Потом снова взяла руль обеими руками. Через несколько минут впереди появился мост. Низкий, старый, с металлическими перилами, которые фары выхватили из темноты слишком поздно. Тесса переехала его медленно. Под колёсами глухо застучали доски или старые швы покрытия. Сразу после моста дорога раздваивалась. Вправо — к старой пристани. Влево — к частным участкам.

Тесса остановилась. Двигатель тихо работал. Фары освещали мокрую развилку, голые ветки и деревянный столб с табличками, на которых почти ничего нельзя было разобрать. Она взяла карту. Палец продавца оставил маленькое чернильное пятно у левого поворота. Туда. Она уже собиралась повернуть, когда заметила следы шин. На грязной обочине возле правого съезда. Свежие. Глубокие. Кто-то недавно свернул туда и резко притормозил. Тесса открыла дверь и вышла.

Холод сразу забрал остатки тепла из машины. Она включила фонарик на телефоне, хотя сети всё ещё не было, и подошла к обочине. Следы уходили вправо, к пристани, но рядом с ними были другие. Не шины. Следы обуви. Мужские, скорее всего. Глубоко продавленные в мокрой земле. Человек вышел из машины и пошёл не к воде, а обратно, через край дороги, в сторону левого поворота. Тесса медленно подняла фонарик.

Лес впереди был неподвижен. Она прислушалась. Сначала ничего. Потом где-то далеко, за деревьями, раздался звук. Не крик. Не машина. Сухой треск ветки. Тесса стояла посреди пустой дороги, с телефоном без связи в руке, и впервые за ночь подумала, что Карла была права. Героини дешёвых триллеров действительно всегда заходят туда, куда не надо. Она вернулась к машине, села, закрыла дверь и повернула налево. К частным домам. К реке. К Эмме.

К тому месту, куда Дэниел уже, возможно, пошёл пешком.

Глава 3. Дом у реки

Утро не принесло ясности. Эмма проснулась от света, а не от сна. Сон был слишком рваным, чтобы его можно было назвать отдыхом. Несколько раз она открывала глаза среди ночи, прислушивалась к дому, к воде, к дереву под стенами, к тихому движению вниз, которого могло и не быть. Потом снова проваливалась на несколько минут в тяжёлую темноту и каждый раз возвращалась оттуда с ощущением, что что-то пропустила. За окном стоял серый рассвет, мокрый и холодный, без всякой красоты. Река, которую ночью почти не было видно, теперь лежала за деревьями широкой тёмной полосой. Вода двигалась медленно, как будто ей тоже было лень просыпаться. На противоположном берегу торчали голые ветки. Ни домов. Ни дорог. Ни людей. Эмма повернула голову к столу. Телефон лежал там, где она оставила его ночью. Она потянулась за ним раньше, чем успела окончательно проснуться. Экран включился. 07:18. Одна полоска связи. Она села так резко, что закружилась голова. Открыла переписку с Тессой. Все три сообщения всё ещё висели серыми. Не доставлено. Эмма выругалась одними губами и нажала повторить. Кругок рядом с последним сообщением закрутился, остановился, снова закрутился. Она подняла телефон выше, почти к самому окну. Сеть пропала.

— Да ты издеваешься.

Голос прозвучал хрипло, слишком громко для чужой комнаты. Она встала, не сразу попав ногами в ботинки, и подошла к окну. Телефон поймал одну полоску, потом снова потерял. На секунду вверх экрана мелькнул значок передачи данных. Эмма затаила дыхание, будто от этого что-то зависело. Ничего не ушло. В коридоре скрипнула ступень. Она замерла с телефоном в поднятой руке. Потом услышала снизу звук воды. Кран. Посуда. Обычное утро. Дом не стал менее странным от того, что в нём кто-то мыл чашку. Эмма опустила руку и посмотрела на себя в тёмное стекло окна. Лицо было помятое, глаза опухшие, волосы спутались у висков. Вчера она хотя бы держалась на злости. Сегодня злость ушла куда-то глубже и оставила после себя пустое место, в котором всё звучало слишком громко. Она открыла дверь и вышла в коридор. В доме пахло кофе. Это было почти нечестно. Ночью дом казался чужим, закрытым, настороженным. Утром запах кофе сразу сделал его теплее, как будто у места появилась биография, которой Эмма не знала, но уже начинала верить. Она спустилась вниз. Итан стоял на кухне в тёмной футболке и джинсах, босиком, с кружкой в руке. На столе лежали хлеб, сыр, апельсины, масло, нож. Чайник ещё тихо шумел после кипения. Он выглядел так естественно в этом доме, что Эмма впервые по-настоящему почувствовала, насколько она здесь не принадлежит. Он поднял глаза.

— Доброе утро.

— Оно пока не определилось.

— Справедливо.

Он поставил кружку на столешницу.

— Кофе?

— Да.

— С молоком?

— Без.

— Хорошо.

Он взял вторую кружку с полки и молча налил кофе, без единого из тех утренних вопросов, что заставили бы её защищаться ещё до первого глотка. Эмма остановилась у окна. Днём кухня выглядела иначе. Боковой участок был виден лучше: мокрая трава, узкая дорожка из камней, сарай или маленькая пристройка за деревьями, дальше — склон к воде. У стены стояли сложенные дрова под навесом. Всё было аккуратно. Не идеально. Именно аккуратно. Так,

как бывает у человека, который приезжает редко, но каждый раз оставляет после себя порядок. Или у человека, который заранее готовится к приезду. Итан поставил кружку на стол.

— Держи.

Она взяла кофе обеими руками.

— Спасибо.

— Связь?

— Почти нет.

— Утром должна появиться.

— Она, видимо, не получила инструкцию.

Он едва заметно улыбнулся.

— На веранде попробуешь?

— Уже пробовала у окна.

— Веранда выше над водой. Иногда лучше.

— Ночью было наоборот.

— Ночью здесь вообще многое наоборот.

Эмма посмотрела на него поверх кружки.

— Это должно звучать успокаивающе?

— Нет. Просто честно.

Она не ответила. Кофе был крепкий. Горячий. Нормальный. Слишком много нормальных вещей для утра, которое должно было начаться с объяснений.

— Я хочу позвонить Тессе, — сказала она.

— Конечно.

— И отправить адрес.

— Да.

— Не «утром». Не «когда связь появится». Сейчас.

Итан кивнул.

— Тогда сначала выйдем на веранду.

Она ожидала сопротивления. Хотя бы маленького. Вздоха, паузы, того мягкого поворота, которым он вчера несколько раз перевёл её от решения к более удобному варианту. Ничего такого не произошло. Он просто взял свою кружку и пошёл к двери. Эмма пошла следом. На веранде было холоднее, чем казалось из кухни. Влажный воздух сразу коснулся лица и забрал у кофе половину тепла. Река утром оказалась ближе и шире. Ночью она была чёрной полосой. Теперь в ней появился цвет: свинцовый, тяжёлый, с коричневой водой у берега. За домом склон уходил вниз, к узкой полосе земли, где стоял старый деревянный причал. Чуть дальше виднелась низкая постройка с тёмной дверью.

— Это что?

Итан проследил за её взглядом.

— Лодочный сарай.

— У тебя есть лодка?

— Была.

— Была?

— Старый мотор умер. Я так и не заменил.

— Поэтому сарай закрыт?

— Потому что там хлам.

Ответ прозвучал быстро, без вины и без резкости. Эмма запомнила это. Она подняла телефон. Одна полоска появилась почти сразу. Потом вторая. Сердце неприятно ударило в горло.

— Есть.

Она открыла переписку и снова нажала отправить. Кругок закрутился. Итан стоял рядом, но не слишком близко. Смотрел не на экран, а на реку. Это тоже было правильно. Слишком правильно. Первое сообщение ушло. Ты где? Под ним появилась отметка доставки. Эмма моргнула, будто не поверила. Второе сообщение ушло. Я с Итаном. Дом у реки. Связь плохая. Третье зависло. Адрес. Кругок рядом с ним крутился слишком долго.

— Давай, — прошептала Эмма.

Телефон потерял одну полоску. Потом вторую. Сообщение осталось серым. Не доставлено. Эмма почти швырнула телефон в доски веранды.

— Первые ушли? — спросил Итан.

Она посмотрела на него.

— Да.

— Уже хорошо.

— Не хорошо. Адрес не ушёл.

— Попробуешь ещё через минуту.

— Я пробую уже всю ночь.

— Эмма.

— Что?

Он повернулся к ней. В утреннем свете его лицо казалось менее мягким. Не злым. Просто более настоящим.

— Она теперь знает, что ты со мной. Знает, что ты в доме у реки. Этого достаточно, чтобы не думать, что ты исчезла.

— Ты не знаешь Тессу.

— Не знаю.

— Тогда не говори, что достаточно.

— Хорошо.

Он отступил сразу. Опять. Эмма отвернулась к воде, потому что от этого его «хорошо» внутри всё время становилось только хуже. Ей нужно было с чем-то спорить. А он не давал стены. Только мягкую поверхность, от которой отскакивали её злость и страх. Телефон завибрировал. Она едва не выронила его. На экране появилось сообщение от Тессы. Где именно? Пришли адрес. Сейчас. Эмма выдохнула.

— Она ответила.

— Хорошо.

— Не говори «хорошо».

— Не буду.

Она начала заново вводить адрес, хотя он уже был в записках. Пальцы спешили и ошибались. Автозамена превратила название дороги в бессмысленное слово. Эмма стёрла, набрала снова. Телефон поймал одну полоску, потом снова потерял. Сообщение не уходило. Итан поставил кружку на перила.

— Хочешь, я напишу?

Она резко подняла глаза.

— С твоего телефона?

— У меня иногда лучше ловит.

— Почему?

— Другой оператор.

Это опять было разумно. И опять не понравилось.

— Нет, — сказала она.

— Хорошо.

— Я сама.

— Конечно.

Он взял кружку и сделал глоток, глядя на воду. Эмма нажала отправить. Кружок закрутился. Закрутился. Остановился. Не доставлено. Она закрыла глаза.

— Чёрт.

— Мы можем подняться чуть выше по дороге, — сказал Итан. — Там иногда стабильнее.

— Сейчас?

— После завтрака.

Она посмотрела на него.

— Почему после завтрака?

— Потому что ты вчера почти не ела, ночью почти не спала и сейчас стоишь босиком на холодной веранде с кофе в руке, который уже остыл.

Эмма опустила взгляд. Она действительно была босиком. Вышла в одних носках. Снова.

— Блядь.

Итан не улыbnулся, но в уголке его рта что-то дрогнуло.

— Очень точное резюме.

— Не радуйся.

— Я не радуюсь.

— Радовался бы, если бы позволил себе.

— Возможно.

Она неожиданно фыркнула. Не смех. Просто короткий сбой в дыхании. Но напряжение на секунду изменилось. Итан это заметил. Конечно, заметил. Он замечал всё.

— Иди внутрь, — сказал он. — Потом съездим к дороге. Отправишь адрес. Позвонишь. Сделаешь всё, что нужно.

Эмма посмотрела на телефон. На сообщение Тессы. Где именно? Пришли адрес. Сейчас. Потом на реку. Потом на Итана.

— Ладно.

Внутри стало теплее, но не легче. Они позавтракали почти молча. Эмма съела кусок хлеба с сыром и половину апельсина. Итан не заставлял. Просто время от времени пододвигал к ней тарелку, как будто это было не действие, а погодное явление. Она делала вид, что не замечает. Потом всё-таки брала. Телефон лежал рядом с её рукой. Экран всё время оставался чёрным. Тесса больше не писала или писала, но сообщения не доходили. Эмма уже не знала, что хуже.

— Кто смотрит за домом? — спросила она.

Итан поднял взгляд.

— Что?

— Ты сказал, у тебя есть человек. Который включил отопление.

— Да.

— Кто?

— Местный. Рэндалл.

— Он живёт рядом?

— В городке.

— Далеко?

— Минут двадцать.

— А ближайшие соседи?

— Здесь все не особенно близко.

— Это не ответ.

Он положил нож на край тарелки.

— Ближайший дом вниз по дороге. Там женщина живёт круглый год. Линда. Она иногда следит, чтобы зимой трубы не замёрзли, если Рэндалл занят.

Имя прозвучало легко. Слишком легко, чтобы быть придумано на месте. Эмма не знала, почему проверяет это.

— Она знает, что мы здесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не считал нужным докладывать соседке о твоём приезде.

— Не докладывать. Но если она следит за домом...

— Сегодня не она.

— Рэндалл.

— Да.

Эмма взяла кружку, хотя кофе уже остыл.

— Ты сказал, что попросил включить отопление утром.

— Да.

— Это был Рэндалл?

— Да.

— Он заходил сюда?

— Включил систему и уехал.

— Значит, у него есть ключ.

— У людей, которые присматривают за домами, обычно есть ключи.

Ответ был почти ленивым. Как будто тема была слишком простой, чтобы задерживаться.

Эмма посмотрела на дверь в коридор.

— Кроме него ключи есть у Линды?

— Кажется, нет.

— Кажется?

Итан чуть наклонил голову.

— Эмма.

Вот теперь в его голосе появилась усталость. Не раздражение. Усталость.

— Что?

— Ты сейчас пытаешься найти опасность в запасном ключе у человека, который обслуживает отопление.

— Может быть.

— Хорошо.

Она ждала продолжения. Его не было.

— И всё?

— Да.

— Ты не скажешь, что я накручиваю?

— Нет.

— Хотя думаешь?

— Я думаю, что после всего, что произошло, ты имеешь право накручивать.

Это было так удачно сказано, что она снова не нашла, куда поставить злость. Итан встал и начал убирать со стола.

— Я могу позвонить Рэндаллу при тебе, — сказал он. — Спросить, отдавал ли он кому-то ключи, был ли здесь кто-то ещё, всё ли закрыто. Могу позвонить Линде. Могу показать тебе документы на дом. Что угодно.

Эмма смотрела на него.

— Ты всегда так делаешь?

— Как?

— Даёшь слишком много вариантов, чтобы человек почувствовал себя идиотом.

Он остановился у раковины. Медленно повернулся.

- Я не хотел, чтобы ты почувствовала себя идиоткой.
- Но получилось.
- Тогда прости.
- И опять ты извиняешься.
- А что мне делать?

Вопрос прозвучал тихо. Без игры. Она не ответила. Потому что не знала. Итан посмотрел на неё ещё секунду, потом включил воду. Тарелка звякнула о раковину. Обычный звук, но в тишине кухни он показался резким. Эмма взяла телефон и вышла в гостиную. Днём гостиная стала менее уютной. Свет показал пыль в углах полок, царапины на полу возле камина, старое пятно на подлокотнике кресла. Дом сразу стал живее. Не таким подготовленным. Это должно было помочь. Она подошла к полкам. Книги были разные. Не декоративная коллекция, купленная метрами. На некоторых корешках были заломы. Несколько томов по архитектуре, старые детективы, книги о навигации, сборник эссе, что-то о строительстве мостов. Между двумя книгами лежала фотография в деревянной рамке. Эмма взяла её раньше, чем успела решить, стоит ли. На снимке был берег реки. Лето. Этот же дом, только с открытыми окнами и зелёными деревьями вокруг. На веранде стоял Итан, моложе, в белой рубашке, закатанной до локтей. Рядом с ним — мужчина постарше, возможно, отец. Лицо было немного похоже. Такая же линия рта. Та же собранность в плечах. На ступенях сидела женщина с короткими светлыми волосами, смеясь в сторону камеры. Эмма перевернула рамку. Сзади ничего не было.

— Мои родители.

Она вздрогнула. Итан стоял в проёме между кухней и гостиной, вытирая руки полотенцем.

- Прости.
- Ничего.

Она поставила фотографию обратно.

— Это они построили дом?

— Отец купил. Давно. Ещё до того, как здесь начали строить нормальную дорогу.

— Они приезжали сюда часто?

— Мама — да. Отец меньше. Он любил иметь места, куда можно приехать, но редко приезжал.

- Звучит дорого.
- Так и было.

Он подошёл ближе, но остановился у кресла, не рядом с ней. Эмма снова посмотрела на фотографию.

- Они живы?
- Нет.
- Прости.
- Давно.

Она коротко кивнула. Фотография внезапно сделала дом менее подозрительным. У места появились родители, лето, старая рубашка, женщина, которая смеялась. Это было неудобно. Проще бояться домов без прошлого.

- Я не знала, что это семейное место, — сказала Эмма.
- Я не часто об этом говорю.
- Почему?

Итан посмотрел на фотографию.

— Люди начинают задавать вопросы, на которые у них нет времени слушать ответы.

Она опустила взгляд.

— Понимаю.

И сказала правду. Между ними на несколько секунд стало спокойнее. Потом телефон в её руке снова ожил. Сообщение от Тессы.

Эмма, ответь. Не просто «дом у реки». Где именно?

Под ним второе.

Не оставайся там без связи.

И третье.

Я еду.

Эмма прочитала последнее сообщение дважды.

— Что? — спросил Итан.

Она подняла на него глаза.

— Тесса едет.

Он не изменился сразу. Вот в чём была странность. Лицо осталось тем же. Спокойным. Внимательным. Только взгляд стал чуть плотнее.

— Куда?

— Не знаю. На север, наверное.

— Она знает, где ты?

— Нет.

— Тогда куда она едет?

— Ищет.

— Тебя?

— Может быть.

Или Дэниела. Она не сказала этого вслух. Итан повесил полотенце на спинку стула.

— Надо отправить адрес.

— Я знаю.

— Тогда поедem к дороге.

Она ожидала, что он скажет наоборот. Что начнёт объяснять, почему Тессе не надо ехать, почему это опасно, почему лучше позвонить Харрису, почему все сейчас должны остановиться и думать взросло. Но он сказал именно то, что она хотела. От этого стало ещё хуже.

— Сейчас? — спросила она.

— Сейчас.

Он пошёл в прихожую за курткой. Эмма осталась стоять у книжной полки с телефоном в руке. Тесса едет. Дэниел, возможно, тоже. Харрис что-то ищет. А она стоит в доме у реки и каждый раз, когда Итан делает правильную вещь, чувствует не облегчение, а холод.

— Эмма? — позвал он из прихожей.

— Иду.

Она положила телефон в карман и взяла пальто. У входной двери остановилась. На внутренней стороне двери был хороший замок. Тяжёлый. Новый. С дополнительной защёлкой выше ручки. Ночью она слышала щелчок именно отсюда. Нормально. Люди ставят хорошие замки в загородных домах. Особенно если дом пустует. Особенно если вокруг лес. Особенно если есть что охранять. Эмма провела пальцами по холодному металлу.

— Готова? — спросил Итан.

Она убрала руку.

— Да.

Они вышли на крыльцо. День был серым, мокрым и слишком тихим. Возле машины в грязи отпечатались их вчерашние следы. Рядом с ними был ещё один след, глубже, с другим рисунком подошвы. Эмма остановилась.

— Это что?

Итан повернулся.

— Где?

Она показала вниз. Он посмотрел на след. Потом на дорогу.

— Рэндалл, наверное.

— Он был утром?

— Вчера утром.

— Дождь был после?

Итан молчал одну секунду. Не больше. Но Эмме хватило.

— Значит, след должен был смыться.

Он медленно посмотрел на неё.

— Не обязательно.

— Итан.

— Здесь мягкая земля. Следы могут держаться дольше.

— Это не наш след.

— Нет.

— И не твой.

— Похоже, нет.

Ветер прошёл по деревьям. Где-то на воде скрипнула старая доска причала или ветка ударила по чему-то пустому. Эмма почувствовала, как ладони стали холодными.

— Кто был у дома?

Итан посмотрел на дорогу вниз, потом на лес по бокам.

— Не знаю.

Первый раз за утро его ответ ей не понравился именно потому, что был похож на правду. Он достал телефон.

— Я позвоню Рэндаллу.

— Связь есть?

Он посмотрел на экран.

— Одна полоска.

Набрал номер. Эмма стояла рядом и слушала гудки. Один. Второй. Третий. Потом связь оборвалась. Итан опустил телефон.

— Поедем к дороге. Там позвоним и отправим адрес.

Эмма посмотрела на след у машины. Потом на дом. Вчера ночью ей казалось, что странное находится внутри. Теперь оказалось, что снаружи тоже. Она села в машину, пристегнулась и достала телефон. Сообщение с адресом всё ещё не было доставлено. Тесса больше не писала. Итан завёл двигатель. Когда машина тронулась вверх по гравийной дороге, Эмма обернулась. Дом оставался позади, светлый и спокойный в утреннем тумане. Веранда. Окна. Дверь с хорошим замком. Старый лодочный сарай у воды. И один чужой след в грязи возле машины.

Глава 4. Дэниел

Дэниел понял, что дальше на машине ехать нельзя, когда дорога после моста стала слишком узкой для разворота. Фары выхватывали из темноты мокрый гравий, голые ветки и редкие таблички на столбах, которые появлялись слишком поздно и исчезали слишком быстро. Навигатор уже два раза пытался отправить его в лес. Телефон лежал на пассажирском сиденье экраном вниз. Он выключил его ещё на трассе, сразу после того, как Харрис позвонил в третий раз.

Это было глупо. Он знал. Всё, что он делал последние несколько часов, выглядело глупо, подозрительно и почти идеально укладывалось в версию, которую полиция и без него собирала слишком охотно. Мужчина, связанный с погибшей женщиной. Мужчина, который не рассказал всего. Мужчина, который исчезает ночью и едет туда, где может находиться Эмма. Дэниел сжал руль. Если бы он был Харрисом, он бы тоже не поверил себе. Эта мысль не помогала.

Он остановил машину у правого съезда, где дорога уходила к старой пристани. Заглушил двигатель, но фары не выключил сразу. Несколько секунд сидел в белом свете, который упирался в деревья и делал лес плоским, почти театральным. За ветками темнела вода. Где-то внизу скрипело дерево или металл, раскаченный ветром. Всё место выглядело так, будто его давно забыли, но оно не возражало.

Дэниел достал из внутреннего кармана пальто сложенный конверт. Бумага уже размялась на сгибах. Он открывал его слишком много раз за вечер, хотя знал содержимое почти наизусть. Фотография. Копия старого документа. Распечатка письма. Маленький фрагмент правды, которого было недостаточно, чтобы остановить Харриса, но достаточно, чтобы перестать сидеть дома и ждать, пока Эмма исчезнет из сети окончательно.

Он вынул фотографию. Снимок был некачественный. Распечатанный, с зерном, с чуть съехавшим цветом. Анна стояла у воды, в тёмном пальто, с красным шарфом вокруг шеи. Волосы развевались от ветра. Она смотрела не в камеру, а в сторону человека, который снимал. На её лице было что-то странное. Не улыбка. Не страх. Момент между ними.

Дэниел долго не понимал, что именно в этой фотографии не даёт ему покоя. Потом понял. Она не позировала. Её поймали.

Он перевернул снимок. На обратной стороне были слова, написанные чужой рукой. Ровные, уверенные, с лёгким нажимом в конце букв.

А. Я же говорил тебе, что это место будет нашим. И.

Дэниел смотрел на эту фразу так долго, что буквы начали раздражать. И. Итан. Он не знал этого наверняка. Не до конца. Не так, как любит полиция. Не с печатями, датами, цепочками хранения и людьми, которые готовы подтвердить каждую секунду. Но он видел достаточно. Старый снимок. Дом у воды. Женщина, которая боялась человека, имя которого так и не назвала. Мужчина, который появился рядом с Эммой слишком вовремя и слишком правильно. И ещё один факт, который не давал ему покоя. Анна никогда не говорила, что боялась его. Она говорила:

«Он найдёт меня.»

Дэниел тогда спросил кто. Анна посмотрела на вход в ресторан и сказала:

«Не здесь.»

Он не стал давить. Теперь это решение лежало между ними, как тело. Дэниел убрал фотографию обратно в конверт и сунул его во внутренний карман. Потом выключил фары. Темнота тут же подступила к лобовому стеклу. В машине стало слишком тихо. Он взял телефон. Экран включился на секунду. Пропущенные вызовы: Харрис. Тесса. Харрис. Неизвестный номер. Харрис. Потом ещё одно уведомление, которое он не успел прочитать, потому что связи уже не было.

Он мог включить телефон. Позвонить Харрису. Сказать, что нашёл. Назвать дорогу, мост, старый дом у воды, фотографию, букву Е на обороте. И потом ждать, пока Харрис скажет ему остановиться, прислать координаты, ничего не трогать, не приближаться, не делать хуже. Правильно. Разумно. Бесполезно. Пока они будут проверять, кто такой Е, где сделан снимок и почему у Анны была фотография возле дома, Эмма будет там.

С мужчиной, который говорил тихо, держался спокойно и умел выглядеть так, будто единственный взрослый человек в комнате. Дэниел знал этот тип мужчин. Хуже того, он сам слишком часто выглядел таким. Это было неприятное знание. Оно не делало его лучше. Только точнее. Он открыл дверь и вышел. Холод ударил сразу, но не отрезвил. Воздух пах мокрой листвой, грязью и водой. Под ногами земля просела.

Дэниел посмотрел на след от ботинка и машинально отступил на более твёрдую часть обочины. Следы. Он почти усмехнулся. Замечательно. Ещё один подарок для Харриса. Он открыл багажник, достал фонарик и старую куртку, которую держал там на случай поломок, дождя и прочих мелких неприятностей, которые обычно случаются не вовремя. Потом закрыл багажник как можно тише. Звук всё равно показался слишком громким. Дорога налево уходила к частным участкам.

Он видел это на карте, которую купил на заправке. Продавец смотрел на него так, будто уже решал, стоит ли запоминать лицо для полиции. Дэниел не стал его успокаивать. От этого люди обычно начинают запоминать внимательнее.

После моста налево. Потом вниз. Чёрный почтовый ящик. Белые цифры. Дом у воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.